

ВАЛЬДЕМАР ВЕБЕР

ЧЕРЕПКИ

Вальдемар Вебер, родился в Сибири в 1944 году в семье российских немцев. Детство и юность прошли во Владимирской области и в Подмосковье. С 1962 г. жил в Москве. Закончил Московский Институт иностранных языков.

ВАЛЬДЕМАР ВЕБЕР

ЧЕРЕПКИ

Москва
2000

Художник Елена Герчук

ISBN 5—86280—055—7
ЛИА Р.Элинина

© ЛИА Р.Элинина. 2000.
© Вальдемар Вебер. Стихи. 2000.
© Елена Герчук. Художник. 2000.

Часть I

ОБЛАКА МОЕЙ РОДИНЫ

* * *

Букет роз,
слегка распустившихся,
но уже начинающих подвядать,
похожих на плотно скрученные
рулончики свитков.
Боюсь, что они так и не развернутся
и я не прочту написанного на них

1999

ДОЖДЬ

Вот так бы он лил и лил,
и случился потоп,
и покрыл наш позор,
а мы бы
спаслись...

1989

* * *

Покаяния не состоялось.
Будущие поколения
об этом навряд ли узнают.
Голуби, чайки, ласточки
падают тысячами.
Их листва покрывает,
их снег хоронит...
Весенние воды не ведают сожаленья

1995

* * *

Облака моей родины
принимают очертания
наших бед, наших побед,
нищеты, надежды, величия,
желания вырваться
из оков бесчестия,
за пределы свершившегося.
Нигде на свете
нет таких облаков,
столько говорящих
им, нам, тебе,
мне одному...

1994

* * *

Виктору Санчуку

Когда головная боль
отпускает
вновь запекает дрозд
освобождённый
из клетки черепа
размячённые таблетками
прутья решётки
превращаются в солому в осоку
в камыш в стебельки в траву
и вот уже на лёгкой лодочке
я плыву
и не знаю
во сне ль
наяву...

1994

ТРЕТИЙ РИМ

Развалины Третьего Рима.
Над площадями веет
запах гниения и дыма.
Воздух холодный
разносит его по миру.
Все слышней глас волчицы
над опустошённым градом.
Ужас охватывает разрушителей,
их сыновей...
Они не могут понять,
откуда он, этот зов,
принимая его
за вой конвойных собак...

1981

* * *

Обморок,
приводящий в чувство.
Немота,
возвращающая речь.

1997

* * *

Ночной туман.
Дышащая стена.
Что за ней происходит —
неведомо никому.
Ясно одно —
там заняты не ворожбою.
Когда рассветёт,
мы увидим следы той ночи:
кровь, клочья шерсти, перья,
груды обломанных веток.
Когда рассветёт,
нам глаза отвести
не удастся.

1981

* * *

Школьные дневники

с плохими отметками

я зарывал в снег,
не хотел огорчать родителей.
Но весной они оттаивали
и ручьи приносили их к порогу дома...
На страницы
со смазанными буквами и цифрами
отец смотрел грустно, задумчиво —
как на древние письма.

1993

* * *

Чёрный ворон приехал,
шептались ночью мои родители,
когда забирали соседа...
Я лежал в темноте
и не мог понять,
почему приехал,
а не прилетел.
Наверное, это ворон,
разучившийся летать...
Нарушая запрет,
я пробирался к окну,
вставал на цыпочки,
глядел и глядел
в ночную воронью тьму,
и не мог ничего разглядеть.

1995

* * *

Старое фото в семейном альбоме.
В группе детей улыбаюсь
вместе со всеми.

Никому, кроме меня,
не видны за улыбкой
та тревога, тот страх,
та жажда успеха...
За нею вся жизнь —
всё, что было и будет.
Каждый из нас знает,
чего стоит его улыбка
на групповом портрете.

1986

* * *

Для оправдания тьмы говорят:
без неё ты не увидел бы света,
для оправдания лжи:
не осознал бы правды...
Какова же должна быть степень
тьмы или лжи,
чтобы пробиться
к полному свету,
узнать всю правду!

1998

ЛЕСТНИЦА ВЕЧНОСТИ

Вечности ты снишься
идушим по лестнице
без опор
вне строенья
без конца без начала
когда оступишься
и упадёшь
природа выемку заровняет
чтобы снова всё было
как было

1995

ПОЗДНЯЯ СЛАВА

Он её изловил наконец,
эту птицу по имени слава,
за которой гонялся так долго,
не боясь
ни крыш крутизны, ни ветра.
Он поймал её наконец,
но не испытал упоенья.
Есть степень усталости,
что способна
отравить победу
и птицелову.
Успех теперь для него —
апрельское солнце
для отморожившего ноги.

1992

* * *

Не кидай в колодец монет.
Живущим нельзя возвращаться
в пережитое горе,
в пережитую радость.
Ничего не найдёшь там
кроме вещей,
из которых душа улетела,
кроме сброшенной кожи.

1996

ФЕНИКС

Феникс устал.
И у него есть пределы.
Каждый раз ему страшно,
что чары
не помогут,
что не воскреснет...
Всё больше пепла
нужно ему для действия,
всё больше огня.
И когда он всё же,
несмотря ни на что,
воскресает,
то выглядит
грустным и смертным...

1994

* * *

Ещё всё на свете
смотрит на твой полёт,
ещё всё на свете
любит тебя и зовёт...
Но белая птица
врывается в серую стаю,
ей пристроиться б тихо с краю,
а она голосит надсадно,
а она — насквозь безоглядно,
вопреки всем законам обряда...
Ах, не надо бы так, не надо...

1995

ЧЕРЕПКИ

Стихи,
черепки сосуда,
по которым мы можем
лишь догадываться
о целом.

1989

СНЫ

Им снилась кровь.
Но даже себе
они не хотели
сознаться в этом.
Говорили о пурпуре
будущих зорь.

1971

ТЁТЯ МАРИЯ

Решётка морщин на лице.
Отпечаток восьми одиночек.

1965

ЛЮБОВЬ К МЁРТВЫМ

С мёртвыми проще.
Их можно издать не спросясь.
А можно и не издавать.
Мёртвый не друг, не враг,
даже не конкурент.
Похвали его или пни —
не ответит.
Дайте ему отдохнуть!
Дайте сил поднабраться!
Вылежаться хорошенько!
Он ещё за себя постоит.

1993

ПЕТЕРБУРГСКИЕ БЕЛЫЕ НОЧИ

И я его пил,
это вино,
этот вечно длящийся сумрак —
коктейль из отчаявшегося света
и нерешительной тьмы.

1986

НОСТАЛЬГИЯ

Восточно-берлинскому другу

Наконец на свободе,
смотришь с тоскою назад,
говоришь —
как не крути,
а родина — клетка...
Ах, если б она была
ну хоть на немного побольше,
ах, если бы хоть на часок
порой из неё выпускали...
Воистину, каждый должен
сам мастерить себе клетку!

1988

* * *

Выжженные ландшафты сердца.
Каждый раз думаешь:
уже ничему не взрасти
на этих погубленных нивах.
Но взгляни —
цветёт,
разрастается буйно крапива
на благодатном,
на благодарном прахе.

1981

* * *

А. Прокопьеву

Взглянуть на этот мир не с высоты луны,
она, как всё на свете, бренна тоже,
но на неё саму со стороны,
с иных вершин, с той горней вышины,
откуда видно, как из царской ложи.

Узнаем ли мы больше, чем сейчас
о свете и о тьме, о безднах плоти,
иль знанье это роковым для нас
окажется и нас, как топь, проглотит?

Пусть тайну тайн хранит немой покров.
И, чтоб лунатики не расшибали лбов
и сохраняли преданность тоске,
фонарь луны горит в ночной реке.

1992

* * *

Мне восемь лет.
Я лежу в траве и смотрю в небо.
Густая крона с прогалинами
кажется сетью,
закинутой в голубое море,
где живут
все будущие прекрасные мгновения,
и выловить их
ещё предстоит.

1985

* * *

Подмосковное кладбище у дороги.
Заросшие тропки,
ягоды на полянках.
Тишины
доверительный голос:
наша жизнь —
лишь короткий полёт печали,
подвластный капризам ветра...

1980

ВЬЮНЫ

Подобно лепным ангелочкам
порхают вьюны по крышам
окнам карнизам нишам
оградам балконам
верандам аркадам
врачуют глаза
слепые
от зимнего заточенья
всё выше взбирается
белый вьюнок
находит висок
и боль остужает росой

1985

* * *

Карлу Любомирскому

Подорожник, волшебник,
мы прикладывали его, пыльный,
к первым ссадинам и ушибам...
Всю жизнь потом лечим раны свои
подорожником детства.

1997

ВЛАСТЬ НАРОДА

Народ-владыка.
Собственной нищеты.

1980

* * *

Как горька сладость плодов
дерева, поражённого молнией ночью,
ещё живого в моём саду.

1981

* * *

Старый монастырь,
брошенный, развалившийся.
Время уколосось
о ржавое острие колокольни
и лежит теперь у её подножья,
огромное, мёртвое.
Упоённые тленьем
ползают по нему.

1980

КЛАДБИЩЕ В ПЕРЕДЕЛКИНО

Чьё-то надгробье
от мха очищаю
и вижу
к губам приложенный палец:
тише, нам так хорошо от того,
что про нас забыли...

1994

* * *

Мысли твои —
зёрна,
по которым ступают ногами.
Не бойтесь, затапывайте поглубже!
Того и гляди, склюет
какой-нибудь голубь-бездельник.

1993

* * *

Карты мест,
которых больше не существует,
у которых другие названия,
другие наречья,
и память о прошлом не дорога...
Каждое место — таинственный знак,
всё таинственней с каждым часом...
Для кого?

1991

* * *

Все Богом покинутые края,
все заклятые тропки-дорожки
вновь обживаются,
вновь проходимы,
строят из себя
забывчивых стариков
и верят, что всё обойдётся...

1991

* * *

Мне снится я сплю
и во сне звонит телефон
долго звонит бесконечно
мне снится
что я просыпаюсь
тяну к нему руку
и не могу дотянуться
ещё усилие
всего лишь усилие...
это он
тот самый звонок
что должен мне всё объяснить
я тянусь и тянусь
и мне снится
что я до него никогда
никогда не смогу дотянуться

1991

* * *

Он по жизни прошёл незамеченным,
никем не любимым
и ничем не отмеченным.
И теперь в целом свете никто
даже зла на него не таит...
Вот почему у бедного
такой обиженный вид.

1994

* * *

Посмертные бумаги Мандельштама,
сибирские бесследные снега.
На них углём своей последней боли
писал он, зная, что никто на свете
тех строчек, кроме Бога, не прочтёт.
Забвения немеренные версты.
Колдобины дорог, ведущих к тайне,
загладятся заносами сознания
в бескрайних обескровленных ночах...

1995

* * *

Зависть — категория времени.
Дробит вечность
на крохи.

1996

ГОЛЛАНДСКИЙ НАТЮРМОРТ

Аркадию Илину

Небольшая комната. Открытое окно.
Круглый стол. Тяжёлая скатерть.
Ваза с фруктами.
Рядом с нею письмо.
Тебе не узнать о его содержании,
не выведать тайны, сокрытой в нём,
но доступной лучу,
заглянувшему в окно.
Покидая зал,
утешай себя тем,
что чужие письма читать не принято.

1991

Чужому счастью завидуют.
Чужому горю
радуются одни идиоты.
У большинства же
оно вызывает лёгкую грусть,
не из сочувствия — где там! —
им ненадолго, но все же приходится
задуматься
о хрупкости собственной плоти...

1996

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Египетский отдел.
На пяточке зала
тридцать с лишним династий.
Гости из царства вечности
с каменными глазами.
Не простое искусство —
их отличать друг от друга.
Так легко ошибиться
сразу на несколько тысячелетий.

1989

* * *

О, оркестры моего детства!
Духовые, передовые,
марширующие, мобилизующие...
Всех заметнее трубачи,
краснорожие усачи,
работяги, не ловкачи,
все серьёзные, даже грозные...
Поиграют, поиграют,
а потом плюются, плюются,
слюну выбивают из мундштуков.

1992

СВЯТО МЕСТО

Здесь был город,
была страна,
был дом,
был сад,
был отцом посаженный тополь.
Здесь стол мой стоял
и моя кровать...
Только ветер один
бродит по месту пустому,
запах золы вдыхает,
старается угадать
очертания предметов,
форму былого существования...
Только он,
существо мне чужое,
только он и тоскует о прошлом...

1991

* * *

Моя пишущая машинка,
дитя нового времени,
пережила уже несколько поколений.
О брэнности мира
она может поведать больше,
чем патина всех куполов.

1987

ВОЛХВЫ

Их путь к Нему
освещала звезда.
Остальным
пришлось добираться
в полнейшей тьме.

1.6.2000

* * *

Прошлое кажется черновиком,
но никак не получается
перебелить его.

2000

Часть II

НАТЮРМОРТ С ЧЕРТОПОЛОХОМ

КОЛОКОЛ В ВАЙЦЕ

Колокол,
созывавший на твою свадьбу,
плачет о твоей гибели.
Тот же звук, тот же тон,
та же песня.
Все дороги,
ведшие к твоему счастью,
в том числе и мои,
оказались дорогами смерти.
У этого колокола
широченное сердце,
всё привечающее,
всё принимающее,
не отличающее
земли от неба,
радости от боли,
колыбели от гроба.

1995

* * *

Мне говорят:
время
залечит и эту рану.
Где же взять его
столько?

1995

ПОСЛЕ ТЕБЯ

Жизнь прожита неведомо когда,
неведомо зачем и где, и как...
Журчит в тумане тёмная вода,
стада бредут, и зацветает мак.

Я жив ещё, коль слышу голоса
на том недостижимом берегу...
А где-то рядом мерный плеск весла,
и кажется, что это я гребу.

Печаль моя вне притяженья сил
добра и зла, и славы, и вины.
И кто простил меня и не простил,
все мною безнадёжно прощены.

Тот шум, тот сон, тот радостный угар,
далёкие, как лунных вод прибой...
И непонятно, то ль мне это в дар,
то ль в наказанье послано судьбой —

остаток дней прожить в ничьём краю,
где солнце светит, но часы стоят,
как будто пережил я смерть свою
и, возвращаясь, не добрёл назад.

10 ноября 1997 г.

* * *

Тяжёлый сон
посредине счастливого лета,
говорящий,
 что запахи земли — обман,
что чёрная краска
 царящая в этом сне —
цвет самой вечности,
что наше наличие в этом мире —
лишь вспышка в ночи,
прореха
в бесконечно чёрном заборе...

1994

* * *

Последние дни дачного лета, когда сад пропах смородиной и так не хочется уезжать. Ты вставала поздно, у меня на сердце было покойно и так хорошо от мысли, что я тебя берегу. Ты выпархивала из дома, как бабочка, я не знал тогда, что ты и есть бабочка, чей век так недолог, и ты скоро исчезнешь в солнечной мгле. Я не знал тогда, что наш дом — у края земли, совсем рядом с небом: и пешком дойдёшь, и на лодке доплывёшь, — так близко, что мы отражаемся в нём...

1997

* * *

Мартину

Скорбь по любимым
подобна бесконечной тёмной аллее,
становящейся всё
светлей,
по крайней мере настолько,
чтобы различать
лица идущих навстречу.

1996

* * *

Ольге Татариновой

То,
что было всего лишь словом,
стало вдруг осязаемым,
обросло плотью.
Я и не ведал, что смерть
существо такое живое,
такое близкое и родное.

1995

* * *

Хожу по ледяным,
 по снежным полям июля
и не могу понять,
как люди не видят того,
что я вижу.
Но если они так слепы,
как не ощущают
 этой чудовищной стужи.

1995

* * *

Стрекозы твоих неисполненных желаний
парят надо мной,
над головой у меня застывают,
блётками с крылышек осыпаются
на мою оставшуюся жизнь,
на все её недалгие некрутые дороги.

1997

* * *

Пока я живу,
ты будешь воскресать
и вновь умирать в моём отчаянии,
и птицы станут прилетать
и кружить над домом,
и вновь улетать,
и ветер будет веять в комнатах
и гасить траурные свечи,
и время праздника твоего воскресения
будет длиться вечно...

1996

* * *

Кладбище, где ты лежишь,
однажды тоже умрёт.
Тяжёлые плиты
пойдут на другие надгробья.
Их будут
шлифовать до тех пор,
пока они не превратятся
в пылинки,
живущие в луче.

1997

ИЗГНАНИЕ

Я жил в доме счастья.
Думал,
что это и мой дом тоже.
Изгнанный,
живу в доме горя.
Из него меня
уже никто не попросит.

1996

* * *

Всплеск твоих вёсел
затихает вдали...
Так тихо вокруг,
что слышно,
как падают капли
с вёсел.
Словно ты где-то
остановилась
и дожидаяешься...

1996

* * *

Вечность приплыла в старом челне,
пошла по дворам с корзинкой.
Нас не спрося,
забрала тебя,
жестокая,
присваивающая всё,
что ей приглянется.

1996

* * *

Не утешает мысль,
что ты, подобно волне,
себя по капельке раздала
и сверкаешь в тысячах новых волн.
Что мне в том,
если я не могу отличить
одну от другой?

1996

* * *

Бог извлёк тебя
из глухоты вечности,
как розу,
на мгновение...
Когда оно подошло к концу,
прилетело облако,
тебя забрало назад.

1995

ЧЕТЫРЁХЛЕТНЕЙ ДОЧКЕ

О как простодушна твоя нагота
перед пастью рычащей стихии!
Тебя не страшит ни волны высота,
ни ветра налёты лихие.

Огромное небо, вода и гранит.
Косички упрямый рогалик.
Лучом пронзено, твоё тельце горит,
прозрачное, словно хрусталик.

И чайки в волненьи горланят с утра,
и бухточка, будто подкова.
Когда бы я мог перед Богом Добра
замолвить хоть слово, хоть слово!

1976

* * *

Наташе

Слёзы — линзы.
Они помогают
за горем увидеть
поле
с тропинкой,
ведущей вдаль.

1988

ИЗ ГЕЙНЕ

Людская радость, как блудница.
Она лишь тешится тобой.
Любовь её недолго длится,
Крылом взмахнёт — и с глаз долой.

Беда же, как родная тётка,
Придёт тебя к груди прижать.
“Я не спешу”, — промолвит кротко,
С вязаньем севши на кровать.

* * *

Всюду, куда не пойдёшь,
слышишь скрип этих ржавых
незапертых старых ворот,
и всегда где-то рядом...
Ты их ищешь уже давно.
Ты их ищешь вечно.
Ты их хочешь ещё найти...

1992

* * *

Я, беспомощный, жалкий,
неуверенный в завтрашнем дне,
разговаривающий во сне,
жизнь дарю человеку,
дарю ему лес и реку,
землю дарю, калеку...
Вот он крохотный, тихо спит
и пока меня не корит.
Если он просыпается,
он мне, глупенький, улыбается.
А в окне всё сороки, да галки,
да сугробы, да ёлки-палки..

1979

* * *

Душа никогда не устанет
от памяти детства, оно
живёт в нас, цветёт, не вянет,
не перебраживает в вино
былого... Так в теле живо
тепло материнской утробы.

Всё после той книги — чтиво
не очень высокой пробы.

1993

ФОТОГРАФИИ НА МОГИЛАХ

Душа,
что рождена
задолго до рождения —
больше начала,
больше финала...
Её не приладишь
к надгробью.
Она и понятия не имеет,
что значит для нас
мгновенье...

1991

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Одиночество снимков альбомных.
Фотография Шмидта. Царицын.
Даже дед мой уже не помнил
эти лица.

Тётушки бабушек, тётушек дети,
чьи-то снохи, прабабкин брат:
в выходное во всё одеты
и во взятое напрокат.

Бутафорская пышность кресел,
напускная серьёзность глаз,
руку с перстнем мой прадед свесил
с подлокотника напоказ.

Люди, в общем, обыкновенные,
никакие не нувориши,
захотелось хоть на мгновение
появиться на свет из ниши.

Позабыв про свои болезни,
животы подтянув на треть,
они просто из кожи лезли,
чтобы внуку очки втереть.

1975

МОГИЛЫ ОТЦОВ

Целое поколение,
выросшее без могил предков.
Иное жизнеощущение.
Палящая отстранённость.
Всплески памяти
при взгляде на облака,
летающие к мёртвым.

1991

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

В астраханской степи кирхи с выклеванными глазами. Ни могил, ни домов. На месте Страсбурга, родины бабушки, когда-то большого села — овраги, колючки, ковыль. Храмы торчат из земли пустыни, как великаны, умершие от жажды на пути к какой-то своей одним им известной цели.

1995

РАССВЕТ

Какой-то небесный подъёмник
механизмом волшебным бесшумным
поднимает из недр земли
золотистый задник зари,
и начинается представление,
и не в нашей воле
не участвовать в этом спектакле,
в котором всегда и всюду
один единственный зритель,
все места заполняющий в зале —
Вечность,
глазастый, щедрый
и ненасытный зверь...

1969

ПОБЕДИТЕЛИ

Не ждите от победителей
справедливости!
У них другие заботы...
Похоронить мёртвых,
наладить водопровод,
очистить улицы от завалов,
в надёжном месте
сложить добычу...
Им только бы выжить
под грузом победы.

1991

* * *

Не знаю,
что значит “вечность”.
Мне ведомы
лишь мгновенья,
отрезки пути,
сквозняки переулков,
истоптанные дворы...
В небольшом кафе,
где больше пространства,
чем в самом открытом море,
гляжу,
как стареет мебель,
как увядает барменша,
становясь с каждым днём
всё болтливей...

Таллин, 1984

* * *

Жизнь оползает медленно, как берег.
И человек, как дерево на нём,
и времени бесстрастно-алчный Терек
обгладывает корни день за днём.

Он был, он рос,
он вместе с миром гибнул,
и наслажденье смертью не тая,
цветёт в паденье,
словно вдруг постигнул
и жизни смысл, и тайну бытия.

1970

НА БЕРЕГУ

Бесцветный зной. Лиман.

Дремота полдня.

Полёт орла спокоен и высок.

Как в раковины, намывают волны
в мои ладони матовый песок.

Дымится раскалённая коса.

Волна накатит и отхлынет снова.

И цвет её неуловим, как слово
для чувства без истока и конца.

Бердянск, 1965

* * *

Ночные сомнения.

Из тех, что глаза отворяют,
огонь в душе поселяют...

Не оттого ли хочется

заснуть поскорее,

закрыть

всё шире открывающиеся глаза?

1993

* * *

Самые несчастные минуты детства —
когда рыба срывалась с лески...

Радость пескаря,

отделавшегося порванной губой!

1985

* * *

Подрастает дочка.
Пылятся в углу игрушки.
Шлак детских лет.
Всё душой пережитое
хранится в её тайниках..
В комнате тишина.
Дочка где-то с подругой в парке.
У кукол глаза открыты,
Словно у мертвецов.

1983

ИЗ ЦИКЛА “СТИХИ СЫНУ”

К нам идёт весна
Идёт и всё никак не дойдёт.
Попала в беду, заблудилась, устала?
Или кто-то ей повстречался
и она заболталась?
Давай,
отправимся ей навстречу!

1985

ПОЛОМАННАЯ ЛОШАДКА

Мой маленький сын
вымещает злость
на игрушках,
мучает кукол,
бьёт их...
Потрясённый, —
стоит
над поломанной лошадкой,
долго смотрит
в её пустоту.

1981

* * *

С первой своей минуты
обманываем смерть,
день за днём поём ей в глаза
весёлые песни.
Со временем забываем,
что лгали сознательно.
Лишь она помнит об этом.

1980

* * *

Падает снег в ноябрь
точно свет в подвал
слаб накал
но уже не так страшно
отлегло полегчало
чёрною
боль была
белою
стала

Москва, 1994

ПАСХА

2000 лет
мир не перестаёт удивляться,
что удалось такое —
в надежде,
что удастся
ещё раз

1998

* * *

Природа ни к чему не обязывает.
Можешь ею наслаждаться,
сколько душе угодно.
Наглядеться, послушаться, надышаться...
Она, как стихотворение,
которое от тебя ничего не хочет.
Даже твоей похвалы.

1994

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Воспоминания о тебе
будут передавать по наследству,
как вазу,
будут хранить её, стирать пыль...
В конце концов
кто-нибудь
её разобьёт случайно,
поахнет, посожалеет
и веником заметёт.

1999

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

Жив ты или мёртв,
природе безразлично.
Кошка,
по которой не видно,
скорбит ли она по своему господину.

1999

УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Лопата —
орудие Бога.
Могила
или грядка —
земле всё равно.

1992

* * *

Вечер, такой огромный,
такой властный,
такой прекрасный...
Останавливается у нашего порога,
медлит,
позволяет ночи
опередить себя...

1994

* * *

В минуты затишья
добро лихорадочно пытается
наверстать упущенное.
Но у него всегда не хватает времени.

1996

* * *

Самоубийства
совершаются от бессилья
спеть песню
своего отчаяния

2000

Часть III

ЭХО

НОЧНОЙ АЭРОПОРТ В ТЮМЕНИ

В тюменском аэропорту,
в ночном казённом полумраке
валялись люди на полу,
угрюмо сгрудившись, как раки.
Валились, на пол постелив
газет последние издания,
плевать им было на курсив
и грандиозность содержания.
Запивши наспех бутерброд
шипучкой приторной в буфете,
они кляли Аэрофлот
и засыпали, как в кювете.
Диспетчер голосом вилял
и снова заправлял арапа,
ожесточаясь, дрыхнул зал,
мигали лампочки от храпа.
Ожесточаясь, ветер выл,
хлестал по окнам, точно плетью,
тоскою злой, что накопил
в себе за долгие столетья.
Среди бессмысленных равнин
и сонного остервененья,
как знать, он ведал лишь один
в чём смысл сего долготерпенья.

1977

* * *

Тебе хочется знать,
как мы жили?
То был коллективный забег
с барьерами
из колючей проволоки
на дистанцию без финиша,
без желания обогнать,
без возможности не бежать.

1991

* * *

Брожу по церквям,
греюсь у алтарей, как у каминов,
надышано, накурено,
только здесь и согреешься...

1979

* * *

Сергею Аверинцеву

Озеро мечты заросло.
Озеро воспоминаний затянуло илом.
Кое-где две-три заводи
держатся храбро,
долго ль ещё?

Озеро настоящего насквозь прозрачно.
Прямоугольный бассейн.
Удобный в употреблении.
Без водорослей и ряски.

1984

* * *

Ты окружён границами,
колючей проволокой,
оградами и заборами.
За твоими дверьми
день и ночь наблюдают.
Пока что ещё тебе позволяют
открытым держать окно.

1977

ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Вот трава.
Она зелена.
Вот поле.
Оно широко.
Вот небо.
Оно высоко.
Вот народ,
дающий себя пасти.

1982

ОБ ОДНОМ ИЗ ТЕХ, КТО ИСКРЕННО ВЕРИЛ...

У меня нет причин
сомневаться
в его способности
к самопожертвованию.
Ради общего дела
он не щадил жизни.
Ни собственной.
Ни чужой.

1990

* * *

Чего-чего,
а молчания
у нас накопилось с избытком!
И детям хватит, и внукам.
Что с ним делать, куда девать?
Как обратить в тишину,
которая всем слышна?

1984

* * *

На место молчанья
грядёт пустота,
садится на наши стулья,
огромная и ленивая.
Утрачена мера вещей,
символы позабыты.
Ни опоры, ни смысла, ни цели.
Слово первого,
кто придёт,
станет нашей правдой.

1980

МАСТЕРСКАЯ

На жизнь под самой крышей
он сам себя обрѣк.

Жить хоть окошком ниже,
видимо, не мог.

Крутая к той обители
лестница вела.

У многих посетителей
кружилась голова.

Понимал взошедший,
высоту обретший:
чтобы здесь бывать,
придѣтся привыкать...

1972

* * *

Вся жизнь твоя — постройка храма,
где только крыши не хватает,
где каждый день, как новый камень,
конец постройки отвергает
и на чуть-чуть приподнимает
над головой небесный свод.

И кажется уже — вот-вот
и ты шагнёшь за тот порог,
и даль откроется глазам...

Падёт на землю мастерок.
Взойдёт душа, венчая храм.

1965

ДВА МОТИВА ИЗ ИВАНА ГОЛЛЯ¹

АВГУСТ

Серп луны
пожинает колосья дня
В мучнисто-белую ночь
погружается красное солнце
А по утрам
на стеклянном небе
словно в витрине булочной
всплывает румяный хлеб
испечённый в пекарнях
за горизонтом

СЕЯТЕЛИ НЕБА

Неустанно трудиться
на ниве неба,
сеять звезды, возвращать их,
не дать вымереть
этому ремеслу,
чтобы поле не одичало,
чтобы любящие и после
могли кормиться с него.

1975

¹ Иван Голль (1891-1950) — немецкий и французский поэт.

* * *

За стихи платят мало.
Или вообще не платят.
Донорство добровольно.

1989

ЗИМОЙ

Розе Ауслендер

Слишком высок звёздный свод,
чтоб светить в пути.
Далеко возносится чувство моё,
но в ответ не приходит
не единого слова.
Холодно,
хочется в дом
с окнами чайного цвета,
поближе к людскому сердцу —
доступной звезде.

1970

* * *

О города,
сквозь которые я прошагал
и почти ничего не запомнил!
Краеведческий хлам,
грязь, крапива, мостки,
мухи в столовых и чайных...
Силюсь вспомнить — никак:
только свалки, да шлак,
только мусор, колышимый ветром...
О, города-пустыри,
что вам в том,
если я повинюсь перед вами!

1993

В СОЛИКАМСКЕ

Бумажная фабрика.
Сплав.
Деревья идут на работу.
Там с них сдирают шкуру,
разбивают в щепу,
размалывают,
однородную месят массу.
Им придётся многое вынести,
прежде чем стать бумагой,
той самой,
что терпит всё.

1969

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Объ из окна вертолѐта.
Из русла отмели выпирают,
похожие на осетров,
задыхающихся,
не вмещающихся...

1974

* * *

Научиться летать
например в мыслях
пережить страх паденья
порой вспоминать о нём

1990

* * *

Каждому ведомо,
сколько в нём хлама.
И всегда, точно драма —
расставание с ним, дорогим.
Заводим чуланы, храним.
Там мыши плодятся в тиши
на радость когтям души.

1981

* * *

После долгой
бессонной ночи
снова в душе тишина.
Словно кто-то смазал
части звёздного механизма.

1985

УТРО

Из гнёзд-облаков
вылетают птенцы света.
Следы зверей и людей
поблёскивают росой.

1979

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Какая-то космическая сила
исходит от струящейся воды.
Забвенья мне она дарила
и вызволяла из беды.

Какой-то вечной правды
изъявление
в паденье водопада и слезы —
единый эликсир спасенья
для лебеды и для лозы.

1975

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА (в картинной галерее)

Павлу Антокольскому

Двадцать какой-то мирный год.
Берлин. Паризер плац. Весна.
Народ гуляет у ворот.
Квадрига скачет с полотна.
Рейхстаг, французское посольство,
столичный пышный моцион.
Большими порциями солнца
сегодня каждый наделён.
Унтер-ден-Линден где-то справа,
слова легки в устах Марлен...
Берлин очухался. Как лава
течёт толпа вдоль серых стен.
Толпа бурлит, угрюмый город
преображая на глазах,
всё позади: погромы, голод,
всё в прошлом: и позор, и страх.
Он к свету, точно к водопою,
прёт из подвалов и палат,
впервые над его душою
усы державные не бдят.
Скажи ему, дурные слухи
назавтра сквозь дверные щели
начнут вползать во все постели,
лишь отмахнётся, как от мухи —
он был в аду, он хочет в рай!
Сегодня даже краснойбай
не симулирует восторга.
О, зрелище живого морга!

Музейным холодом объятый,
я с выси полувековой
слежу почти что неподвзято
за этой праздною толпой.
Народ валит — сюжет банальный...
Кому тут предъявлять счета,
когда художник гениальный
не прозревает ни черта!

1973

В ТЮРИНГИИ

Маленький город.
Морозное утро.
Освещена пока что
одна лишь церковь.
К её тёплому боку
липнут дома,
точно к сукке щенки.

1988

ОБ ОДНОМ ПОЭТЕ

Он вновь и вновь ведёт стихов полки.
И рвенье налицо, и оснащенье.
Но логике движенья вопреки,
на драпанье похоже наступленье.

С иголки одеты войска.
Огромнейшая армия, тыщ сто.
Солдаты, у которых нет врага,
которых не преследует никто.

1975

* * *

Борису Слуцкому

Дерево не погибло
под розгами непогод,
дерево дышит хрипло,
выпрямилось, живёт.
Как видно, его спасло
то, что оно росло:
вглубь, вширь, ввысь.
Неплохо под ним пройтись.

1977

* * *

Осень с глазами-бессмертниками.
Дороги,
как ветви дельты,
петляющие в тумане.
Почти никому не слышно
робкого звука
падающих семян.

1978

НА КАВКАЗЕ

Слишком много истории.
В основном придуманной.
Добровольный самообман.
Гордость, надежда, вера.
Узы земли и крови.
Смесь легенды, печали, китча.
Святость камней
с неразборчивыми письменами.

1986

* * *

Мимо окна моего
тихо плывут облака.
Так тихо,
что успеваю
сварить себе кофе,
полюбоваться их опереньем,
поразмышлять о жизни
и дописать сонет.

1979

МАРТ

Пока что март —
одни помарки,
всё в нём —
наброски на пока...
Сугроб —
как смятый лист бумаги
беспечного черновика,
где нет ни запятых, ни точек,
лишь иероглифы брожения,
и всё похоже на подстрочник
стихотворенья.

1969

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Деревья,
покинутые птицами —
одинокие инструменты
в антракте.

1985

СВЯТАЯ ПРОСТОТА

О нимфа,
плывущая светлой водою,
неуязвимая для акул,
не ведающая о людоедах!

1979

НА ИРТЫШЕ

Крыши, оплывшие льдом.
Окно сарая, как глаз коровы.
Пар из открытой двери —
словно телёнок дышит.

1975

УТРО В ЛЕСУ

Капли росы
на коже гриба.
Пот быстрого роста.

1995

ТОРЖОК

Кривая изба
с провалившейся крышей —
брошенная после гулянки гармонь.

1992

ЭСТОНИЯ

Трудная земля.
Валуны.
Люди, умеющие превращать
камни в хлеб.

1988

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В ЛЕСУ

Средь стволов золотистых
на опушке замшелой
ни души.
Кроны, словно шмели, отшумели.
Тишь такая стоит —
ни дыши.
Напоенная чаша дня.
Неподвижности сладкая пытка.
Озерцо отражает меня,
словно леса
зрачок любопытный.
Нити сумерек синей пряжей
оплетают пути-дорожки.
Тишь такая,
что слышен даже
чашек звон из лесной сторожки.

1971

МАМА

Выглянуло солнце улыбки.
Морщинок искристая рябь
пробежала по глади лица.

1965

* * *

Детство,
страна со своим гербом,
молодым лицом матери.

1974

* * *

Моего двухлетнего сына
искусала оса.
Я ему говорил,
что оса не укусит,
если её не трогать.
Он мне поверил,
и вот —
раздутые ухо и шея...
Он плачет,
не в силах постичь
моего коварства...
Как мне ему объяснить,
что и среди ос бывают такие,
которые не как все.

1981

ЗИМНЕЕ УТРО

За окном рассвет морозный
в жёлто-серой полумгле.
Стылых стёкол цвет венозный.
Хлеб и масло на столе.

Я смотрю, как ты привычно,
улыбаясь сквозь зевок,
три яйца с клеймом фабричным
опускаешь в кипяток.

Полусонным чувством мера
ценность будущего дня,
слышу, как за нашей дверью
назревает суетня.

Как, зажав в зубах цитатку,
наш сосед служить спешит.
Ты готовишь яйца всмятку.
у тебя нездешний вид.

Наша дверь — и вход, и выход.
Наши устье и исток...
Из часов кухонных тихо
красный сыплется песок.

1978

* * *

Вновь дышит лето
персиковой кожей икр
сладким запахом подмышек
а полуоткрытые губы
делают женщин похожими
на откупоренные амфоры
с ещё непечатым вином

1994

ОБЛАЧНЫЙ ДЕНЬ

Т.С.

Ты ставишь тарелки на стол
рукою, как луч, бескорыстной.
Пахнет вымытый пол
свежестью крупнозернистой.
Наплывы июльской мглы.
Спелая зелень сада.
Движенья твои светлы,
и большего мне не надо.
В журчаньи твоих речей,
в волнах локтей и плеч
мгновенья души твоей
дано мне запечатлеть.
Ты делишь его со мной
поровну, точно хлеб.
Судьбы не хочу иной
в ближайшую тысячу лет.

1975

ТЕБЕ, ПОЖЕЛАВШЕЙ СРАВНЕНЬЯ

Камни умирают долго.
Цветы торопятся жить.
Камни — эгоисты.
Они себя берегут.
Их душа — потёмки.
У цветов всё написано на лице,
и они, как и ты, дорогая,
не знают благоразумья.

1990

* * *

Я дам тебе сил,
говорит твоя рука,
всему сказать нет,
забыть все мечты,
все желанья...
Уйди в меня,
как уходят в леса,
стань отшельником моей любви,
мир вспомнит ещё о тебе,
паломником в пустошь
придёт за советом.

1980

* * *

Когда ты уезжаешь,
я не боюсь за тебя.
Уличный вор,
поджидающий на перекрёстке,
будет разочарован,
в карманах твоих он найдёт
мой шёпот, мое молчанье...
Твоя кожа хранит тепло моих рук,
мочки ушей помнят
жар моих поцелуев...
Обойди все соборы мира —
их священникам не превзойти
набожности моих слов.

1970

* * *

Весь июль я живу в ожиданьи,
как средь душного города сад.
Твои письма приходят дождями
и во мне, как в листве, шелестят.

1970

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Румяного облака яблоко
лежит на зеркале пруда.
Сидим на скамейке около,
взираем на это чудо.
Божий завет нарушить
не решаемся, чудаки...
Горящие уши,
пересохшие языки.

1975

ДЕТСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Пульс леса,
родник,
громче птиц,
громче листьев,
громче нашего с ней дыханья...
О, как я ревновал
к лапам папоротника,
прикасавшегося к её икрам.

1980

* * *

Когда к поэту
любовь приходит —
весёлые песни
приносит.
Когда покидает —
печальные песни
ему оставляет.
Так щедро вознаграждённый,
он ещё смеет роптать!

1980

В МАЙСКОМ ЛЕСУ

Осина звенела
таинственным звоном
старинного серебра

Осина шуршала
как женское платье
задетое тёплым ветром

Осина дрожала
взглянув
в тёмнооую бездну любви

Музыка эльфов
осина
бледнолицая на ветру.

1969

СТИХИ О МОЙКЕ ОКОН

Райнеру Кунце

Если в Галле на Зале,
буколической Зале,
идиллической Зале,
в среднем её течении,
той самой, которую воспевали
все поэты без исключения,
окна моют на дню два раза,
видно, это не для парада...
До рассвета, как будто птицы,
поднимаются света жрицы.
Проступают сквозь гарь на стеклах
их колени, ладони, локти...
Дня младенческие движения.
Час в запасе до пробуждения
у детей, у мужчин, у калек.
За окошками чёрный снег.
И покуда над их головами
женский лик в полутёмной раме,
как у ангелов всё яснее —
утро вечера мудренее.

1973

ГИТЛЕР С ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Д.А.Пригову

Всем известно, что Венская Академия
не разглядела в Гитлере гения.

Известно также,

художнику позволено многое,
что он совершенно особенное двуногое,
что нужно быть снисходительным

к его чудачествам,
ровно как и всякого рода качествам.

Словом, скажем открыто, набравшись
духа,

что вся эта заваруха,

все эти руины и пепел,

и дым над родным континентом

были его

художественным экспериментом.

1991

НА СОБРАНИИ

Уже через час
теряю способность слышать...
Гляжу на коллег,
восседающих
на подушках своих голов...
И понимать начинаю,
каким образом
им удастся
высиживать здесь так долго!

1968

КОРЗИНКА ДЛЯ БУМАГ

Рихарду Питрасу

Ах, эта корзинка
у твоего стола,
еженощно наполняемая
отвергнутыми словами.
Сколько поэтов-песенников
могло бы тут пожитья!

1988

НА КНИЖНОЙ ЯРМАРКЕ

На книжной ярмарке
посреди
массы книг,
где твоей —
ни одной,
у тебя чувство,
будто ты выделился из массы...

1989

* * *

Переводчик,
перевозчик...
Паром качает, палубу заливает,
пассажиры выходят на берег
с разбитыми коленками
и промокшими ногами.
Они не жалуется и рады
вновь ступить на твердую почву.

1985

РОЗОВЫЕ ОЧКИ

У меня есть розовые очки.
Мне сделали их по заказу.
С целым набором стёкол
самых различных оттенков.
На любой
и на всякий случай.
Я их никогда не ношу.
Но как сознавать приятно,
что они всегда под рукой.

1988

ИЗ БРЕХТА

Когда я под утро проснулся
в белой больничной палате
и голос дрозда услышал,
я понял, что я ещё жив.
Страх смерти уже давно
покинул меня — ведь если
нет больше меня, чего же
мне может не доставать...
И вот мне выпала радость
услышать, как дрозд распевает
в мире, где нет меня.

Часть IV

* * *

Экзамены в музыкальной школе. Весна.
Сирень. Льющийся в сад Шопен. В паузах слышно, как в одной из комнат щёлкают счёты.

1960

* * *

Дзинтари. Ещё сады доспевают, ещё дышат здоровьем, и всё же лето пошло на кодую. Бог — рисовальщик, рисует мир без остановки, перерисовывает, стирает, добавляет... Оттого так тянет сюда, к этому ветру, этому щадящему солнцу, к негромким цикадам, к песку, к постоянно изменяющимся волнам и дюнам, которые, подобно женским округлостям, придают ландшафту впечатление вечной незавершённости... О неподвижность прибрежных камней в увядании лета!

1963

МОСКОВСКОЕ МЕТРО

Люди с печальными глазами кротов в мире без неба и погоды, бродящие в ослепительных дворцах под роскошными люстрами среди величественных колонн и цветастых мозаик... Тот, кто побывал здесь, выходит на поверхность ослеплённый, долго потом не замечая серости окружения. За возможность быть короткое время в этих дворцах он готов работать и умирать. О, яркое мраморное подземелье! Праобраз грядущих времён!

1965

ПАМИР

Тишина в горах. Время от времени она прерывается криком птицы или падением камня. Они делают тишину ещё огромней. Но даже к этой огромности постепенно привыкаешь. Крик птицы для того и существует, чтобы не вырабатывалась привычка к бесконечности, безмерности, бездонности...

1970

В ПУСТЫНЕ

Лейла, красивая азербайджанка-экскурсовод, усевшись на краю скалы, уверяла нас, что пустыня существо не менее живое, чем лес или река. Говоря это, она то и дело пыталась поймать за хвост ящерицу, пробегавшую мимо неё. Ей это не удавалось, и после каждой попытки она раскатисто хохотала.

Появись сейчас ядовитейшая из змей, подумал я, Лейла бы не испугалась и змея бы её не ужалила из благодарности за такие слова. “Камень в пустыне — вовсе не камень, — распевала Лейла, — а застывшая боль, которая улеглась, но в любую минуту способна возникнуть снова, а ящерицы — это феи в заколдованном царстве.”

1970

* * *

Мыльные пузыри лопаются на грязных тротуарах, лучась от счастья, не оставляют следов. У них никаких претензий. Не хотят быть ничем, кроме как мыльными пузырями. Потому-то их и пускают снова и снова.

1970

ХЛЕБНАЯ КОРОЧКА

Детство. Январь. Каникулы. У нас в гостях родственники из Сибири. Наконец-то, разрешили “свободу передвижения”. Радость встречи после пятнадцатилетней разлуки. Тосты за освободителей, Аденауэра и Хрущёва. Слезы о погубленных годах. Русские, украинские, немецкие песни.

Мне постелили на кухне у печки. Просыпаюсь поздно и вижу, как мама вынимает хлеб из духовки, необычно большой, коричнево-золотистый, такого я ещё никогда не видел.

Я крепко спал и не слышал, как она затапливала печь, месила тесто. Проснулся лишь, когда запахло хлебом.

“Поспи ещё, — говорит мне мама, — гости ещё не встали. Хочу испечь хлеб, какой мы когда-то пекли до войны. Тогда тебя ещё на свете не было...”

Лежу под одеялом, гляжу, как мама закладывает в печку новые поленья, и кажется, будто они, сторая, превращаются в хлеб, так похожа освещённая огнём берёзовая кора на хлебную корочку.

1971

* * *

Римский саркофаг. Гирлянды винограда, цветущие деревья, колодец. Голова жертвенного быка. Полнокровие жизни! Кто-то должен быть принесен ей в жертву.

Берлин, 1973

* * *

Выскочить из горячей бани в тёмную синь бескрайней сибирской ночи, пройтись босыми ступнями по жёсткому снегу, как по осколкам звёзд...

1975

* * *

У моря на юге время как бы останавливается. Ощущал это ещё ребёнком.. Перестаёшь думать о собственной бренности, а если и думаешь, то мысли спокойны, как огонь сигареты, которую куришь. И дело не в долготе сгорания, которая относительна. Вот горка пепла, падающая на пористую плоть камня, на твоё плечо...

1976

* * *

Вагон электрички, дребезжащий, как старое расстроенное пианино. Грязный пол, невымытые стекла. Два спящих алкоголика. Вагон мотает, кажется, он вот-вот развалится, и всё же мы продвигаемся к цели. Пассажир, что сидит напротив, чистит апельсин. Запах апельсина завоёвывает вагон. Лица теряют напряжение. У окна красивая девочка с нотной папкой под мышкой при очередном взвизгивании рессор кривит лицо, как от фальшивой ноты.

Расторгуево, 1977

* * *

Московский зоопарк. Люди, живущие в большой клетке, приходят поглазеть, каково другим в клетке поменьше. То же самое влечёт нас, видимо, в ГДР. Поездки туда приносят утешение.

1977

* * *

Дегунино. Станция электрички. После бессонной ночи жители микрорайона кажутся сделанными из раскрашенного картона. Интересно, как они умываются?

1979

* * *

Сижу у летнего окна. Ночь. Тишина. Стук бабочки о стекло. Звуки созревающего сада. Многих из них не слышишь, лишь ощущаешь. Всё это слухом и чувством своим кто-то слышал и много веков до меня. Я продолжатель цепи впечатлений, цепи миггов, я — отрывок, фрагмент, летящий в бездну, в бесконечность, одна из её никогда не повторяющихся вариаций.

1979

* * *

Сломать, чтобы построить. Аргумент всех строителей в мире.

Османский саман на останках Никеи не очень-то убеждает.

1980

* * *

Свое пустословие мы выдаём за правду, любим, не любя. Строим некрасивые дома и называем их праобразами будущего. Мы так неутомимы в своей несостоятельности, словно это ещё один метод познания мира.

1980

* * *

Приезжаешь из долгой поездки. Несколько недель находился в постоянном движении, один пейзаж сменял другой, много видел, был свидетелем перемен. А дома ничего не изменилось. Ничего не произошло. Домашние удивляются: а что, собственно, ты бы хотел, чтобы произошло?

1980

* * *

В ЦДЛ за пьяным столом один писатель из российской провинции, имени которого я так и не узнал, говорил мне, что после каждой написанной вещи ощущает себя сжатым полем и что каждый раз посещают его сомнения: станет ли вкусивший с того поля хоть на кроху добрее? Коль не так, говорил писатель, то зачем и кому нужна наша писанина, одна лишь помеха миру.

1980

НЕ СЛУЧАЙНО

Читаю рекламу Кодака: *Наша фотоплѐнка видит лучше, чем глаз человека.*

Узнаю ль я больше о нём, если увижу в увеличенном виде волосяной покров на его коже? Облик человека явлен нам как образ, как обобщение. Кожа, какой её видит глаз — и есть обобщение. То, что мы не способны разглядеть на ней микробов, не случайно. Всё выражено в этой мимике губ, в повороте головы. Свою черновую работу Бог не считает нужным показывать. Но наше время интересуется черновиками...

1987

СТАРЫЕ ГРУЗИНКИ В ПРИМОРСКОМ КАФЕ

Они не купаются. Не совершают прогулок. Сидя под тентом в тёмных шёлковых платьях, говорят о погоде, о внуках, о вчерашнем концерте в курзале... Их не делает суетливей то, что в жизни у них осталось времени мало. Казалось бы, огонь в них должен давно угаснуть, но это они ворошат остывающий пепел, не давая углям истлеть. Никто больше них не знает о запретных плодах, об искусстве сводничать, о напитках, врачующих тоску... Их руки, с таким достоинством подносящие чашечку кофе к бесцветным тонким губам, подобны пожелтевшим листьям в кроне лета, их жесты, обрамленные буйной зеленью веранды, полны грустной тайны, ведомой только им, только им одним — здесь в шуме пляжа, в этом царстве радостной плоти.

1988

* * *

Май 1989. Предгорья Гарца. Граница между ГДР и ФРГ. Смотрю на неё впервые с западной стороны. И там и здесь люди трудятся рядом с колючей проволокой, копаются в своих огородах, назло стихии разрушения и расчленения. Ухаживают за каждой былинкой. Вчера был на весеннем празднике на той стороне, сегодня буду гулять на этой. Те же песни, те же танцы. И плевать им на всех тех, кому медведь на ухо наступил, кто не способен ни веселиться, ни грустить, ни ощущать дыхания родной земли... А речка течёт мимо, светится, пересекает границу.

1989

* * *

Никогда ещё гербы и гимны не были так недолговечны, книги так бренны, монументы так шатки, никогда ещё бронза не превращалась так быстро в гипс.

Берлин, 1990

* * *

Туманы детства и всё, что в них скрыто, запахи цветов, голоса птиц. Ворота, пороги домов друзей и подружек, завалинки, скамейки, закаты, рассказы, кошки, собаки, как жаль, что забыты их имена. Лунообразные лица мам, забравших нас, сонных, домой, накрывавших лёгким одеялом своих тревог.

1990

* * *

Жизнь — медлительный тихий осенний закат, уходящий в неведомое пространство. С самого детства жёлтые листья слетают тебе под ноги... А небо горит, а музыка дня зовет, а даль полна безнадёжности и покоя...

1993

* * *

Всегда сторонился людей, умевших “постоять за себя”, самоуверенных, наносящих упреждающий удар. Не то чтобы они мне не нравились, но мне было около них неуютно. Обступавшим, теснившим меня я добровольно уступал место, сходил с дороги. Когда изменял этому принципу, боролся, получалась какая-то гадость, а если и побеждал, не испытывал удовлетворения.

Ведь когда уступал, всё равно же знал: это моё пространство, моя дорога...

1997

* * *

Тоска по родине, когда ты в любую минуту можешь в неё вернуться без риска для жизни, можешь просто поехать туда и пожить сколько хочешь, но не едешь — это увядающая листва, опадающая без светлой грусти, без поэзии. Чувство верной собаки, у которой умер хозяин.

1997

* * *

Невозможность — часть реальности, её составляющая. Невозможность вернуть из мёртвых дорогих тебе людей, невозможность вернуть молодые годы, возвратить свежесть чувств. Но эта невозможность проживается столь же интенсивно, как и реальность. Собственно, мы всегда, даже в молодости, живём в мире недостижимого, в мире несовпадения наших представлений, желаний, соитие редко, что-то всегда препятствует ему.

1998

* * *

Волны и дюны. Родственные души с различным ощущением времени и пространства.

1998

* * *

Всё, что происходит во сне, предпочтительней реальности. Даже трагедии в нём легче. Он делает возможным невозможное, учит умению справляться со страхом, оставляя наедине с пастью бездонности.

1998

* * *

Имея в виду, что всё в жизни надо делать вовремя, кто-то сказал мне в детстве: грибы лучше всего собирать по утрам или днём, а не в сумерках, помогая глазам светом фонарика. Правильное и точное замечание, но оно направлено на проблему приобретения. С возрастом она отпадает или становится не столь важной. Юность не хуже и не лучше старости, и годы старости — не спуск с горы, а продолжение восхождения. С вершины многое видится обобщённо, без остроты, но видится далеко.

1999

* * *

Стремясь что-то успеть, знаю, что главного не успею. И дело не в том, что откладываю или не решаюсь, просто знаю, что главное останется невоплощённым, что только другие после тебя скажут несказанное тобой... И не узнают об этом.

1999

* * *

Когда слушаешь музыку, например, Брамса, полнокровную, всеобъемлющую, забываешь о том, что в мире всё имеет своё предназначение, своё “место”... То, что мы считаем “недоразвитым”, “недостаточным” предстает совершенным, частью целого, частью тебя самого. Кто-то сказал: прежде чем мы стали людьми, мы слышали музыку.

1999

* * *

О нет, далеко не все сети, заброшенные в пруды детства, порвались, — до сих пор кормлюсь тем уловом...

2000

денег, купил так ему тогда необходимую подержанную малолитражку. “Да брось ты! Пустяки это всё! — отозвался Вебер. — Я к этому философски отношусь...” В то время у Вальдемара Вебера, известного переводчика немецкой литературы, поэта и журналиста, у самого был ещё дом в Москве. Не собственный дом, конечно. Но милая квартирка в тихом Обыденском переулке, тоже образовавшаяся не вдруг, а в ходе его длительных бытовых и бюрократических сражений с действительностью. И всё-таки это был именно дом. Уютный, обустроенный с немецкой аккуратностью и каким-то, я бы сказал, естественным, без надрыва, уважением к собственному жилищу. При этом тёплый и открытый, войти куда из декабрьского неюта столицы, а тем более из политической и прочей неразберихи, страхов и возни тех лет было так легко и, вот именно, — обыденно.

Дома, в смысле той, веберовской квартиры, то есть того, что в германских языках принято именовать Heim (home), а не Haus (house), давным-давно нет. Haus-то как раз стоит. Не удивлюсь, если он теперь и вообще прозывается “билдинг”, и под его крышей разместился очередной офис по торговле ворованными автомобилями, в чьей охране служит тот самый бывший следователь... Я даже почти уверен в этом. Подобные, слишком явные рифмы реальной жизни, встречаясь сегодня в замкнутом мире на каждом шагу, превращаются уже в полную, тоже с запашком воровства, банальность. Хочется бежать, и бежать от них. И тогда приходит

бездомность. К этой теме, — и вообще-то доминирующей в мировой культуре последних ста лет, — В.Вебер постоянно возвращается. Но уже не на уровне сказанного (недо-сказанного?), а на ином, куда как более высоком, где:

Я жил в доме счастья.
Думал,
что это и мой дом тоже.
Изгнанный,
живу в доме горя.
Из него меня уже никто не попросит.

Будучи знаком с его работами шире данного небольшого русского издания, я знаю, что эта тема проходит и через всё его литературное творчество, и журналистскую и общественную деятельность, да и просто жизнь.

Здесь был город,
была страна,
был дом,
был сад,
был отцом посаженный тополь.
Здесь стол мой стоял
и моя кровать...

Последние годы В.Вебер поочерёдно живет в австрийском Граце, потом в Инсбруке, нынче обосновался в Мюнхене. При этом, в одинаковой степени владея и русским, и немецким, Вальдемар и пишет на двух языках. В 70-80-е годы он перевёл на русский стихи более чем тридцати ведущих поэтов трёхсотлетнего периода великой литературы.

Являясь, как сказано, человеком и поэтом двух языков и культур, В.Вебер очень естественно вводит в русские стихи систему современного европейского мировидения и стихописания. Его русскоязычная поэзия по преимуществу — небольшие верлибры (хотя встречается и регулярная рифмованная германо-славянская силлаботоника). При этом поэт органически и непримиримо чужд всякого стихотворного пафоса. Кажется, он ещё даже на подсознательном, дословесном уровне в ужасе отшатывается от него. Так как “Им, общающимся друг с другом / на наречьи вершин лавинном, / им ли ум занимать испугом / зазевавшегося фламинго? / Что им ржанье коней в Рыбачьем / и саманных хибар молитва, / им все мерящим не иначе, / как масштабами неолита...”

Однако впадать из риторически-романтического пафоса в противоположную крайность — самодовольное хихиканье дурачка, скачущего по руинам и свежим могилам, — В.Вебер также отказывается. Показательно его стихотворение “Гитлер с эстетической точки зрения”: “Всем известно, что Венская Академия / не разглядела в Гитлере гения /.../ Словом, скажем открыто, набравшись духа, / что вся эта заваруха, / все эти руины и пепел, / и дым над родным континентом / были его художественным экспериментом”. Думаю, собственная, В.Вебера, осторожность в отношении “экспериментов” выработана им не только в результате тесного многолетнего контакта с лучшими образцами двух литератур, но и — является следствием близкой личной причастности к истории и судьбам этих руин и могил.

Отшатнувшись и от “высокого”, и от “низкого” штилей слов и интонаций, он намеренно постоянно пребывает в стиле нейтральном, где слова значат ровно столько, сколько значат, но именно поэтому что-то значат. Причём произносит он их со спокойным достоинством.

Рисуя несколькими штрихами четкую картинку окружающего мира, вдруг будто дотрагивается до читательского собственного, сокровенного, но так всем внятного страха:

Развалины Третьего Рима.
Над площадями веет
запах гниения и дыма...
Всё слышней глас волчицы
над опустошённым градом.
Ужас охватывает разрушителей,
их близких, их сыновей...
Они не могут понять,
откуда он, этот зов,
принимая его за вой конвойных собак...

Здесь архаические, завышенные “глас” и “град” именно из-за своей незатёртости в текстах оказываются полностью оправданы, потому что растягивают пространство языковое в конкретное временное и историческое. В то пространство цивилизации, за двадцать веков которой мифологическая волчица уже просто биологически вырождается то ли в одичавшего бешеного пса, то ли в овчарку конвоира. Но находясь среди современников “вне школ”, В.Вебер никоим образом, ни декларативно, ни языково, не разрывает связи с мировой культурной традицией. В этом смысле продолжая тради-

цию, его стихи не теряют внутренней лиричности, иногда пронзительной и горькой, но, собственно, той, из которой, как ни банально это прозвучит, и состоит жизнь и стихи.

*Виктор Санчук
Нью-Йорк, сентябрь 2000.*

P.S. На днях я вновь позвонил Володе. В его мюнхенский дом. “А я только сегодня вернулся, — раздалось в трубке, — семью в Испанию возил. Знаешь, сам всю дорогу — за рулём машины!” ...

Руины, одичавшие сады,
Смерть близкого друга,
Разрушенные планы,
Исчезающее здоровье,
Трещины на оградах.
Ржавые автомобили проносятся мимо.
Порой они останавливаются.
Из них выходят люди,
Набирают воды из колодца.
Жизнь продолжается.

Содержание

Часть I. ОБЛАКА МОЕЙ РОДИНЫ	3
“Букет роз...”	4
Дождь	4
“Покаяния не состоялось...”	4
“Облака моей родины...”	5
“Когда головная боль...”	5
Начало 90-х	6
Надежда	6
Третий Рим.	7
“Обморок...”	7
“Ночной туман...”	8
“Школьные дневники с плохими отметками...”	8
“Чёрный ворон приехал...”	9
“Старое фото в семейном альбоме...”	9
“Кряжистый дуб у залива...”	10
Колесо счастья	10
“Для оправдания тьмы говорят...”	11
Лестница вечности	11
Поздняя слава	12
“Не кидай в колодезь монет...”	12
Феникс	13
“Ещё всё на свете...”	13
Черепки.	14
Сны.	14
Тётя Мария	14
Любовь к мёртвым	15
Петербургские белые ночи	15
Ностальгия	16
“Выжженные ландшафты сердца...”	16
“Взглянуть на этот мир не с высоты луны...”	17
“Мне восемь лет...”	17
“Подмосковное кладбище у дороги...”	18
Вьюны	18
“Подорожник, волшебник...”	19

Власть народа	19
“Как горька сладость плодов...”	19
“Старый монастырь...”	20
Кладбище в Переделкино	20
“Мысли твои...”	21
“Карты мест...”	21
“Все Богом покинутые края...”	22
“Мне снится я сплю...”	22
“Он по жизни прошёл незамеченным...”	23
“Посмертные бумаги Мандельштама...”	23
“Зависть — категория времени...”	24
Голландский натюрморт	24
Раннее средневековье.	25
“И лавина зреет...”	25
“Ночь, настоянная на обидах дня...”	25
“Далеко устремляются наши сны...”	26
Об одном друге	26
Верность	26
“Чужому счастью завидуют...”	27
Пространство и время	27
“О, оркестры моего детства...”	28
Свято место	28
Ключи от машины	29
“Моя пишущая машинка...”	30
Волхвы	30
“Прошлое кажется черновиком...”	30

Часть II. НАТЮРМОРТ

С ЧЕРТОПОЛОХОМ 31

Колокол в Вайце	32
“Мне говорят...”	32
“Та ночь...”	33
“Биргит...”	33
После тебя	34
“Тяжёлый сон...”	35
“Последние дни дачного лета...”	35
“Скорбь по любимым...”	36
“То, что было всего лишь...”	36

“Хожу по ледяным...”	37
“Стрекозы твоих неисполненных желаний...”	37
“Пока я живу...”	38
“Кладбище, где ты лежишь...”	38
Изгнание	39
“Всплеск твоих вёсел...”	39
“Вечность приплыла в старом челне...”	40
“Не утешает мысль...”	40
“Бог извлёк тебя...”	40
“Теперь ты станешь ещё более одиноким...”	41
В лунном свете	41
“Весна тараторит без умолку..”	41
Четырёхлетней дочке	42
“Слёзы — линзы...”	42
Из Гейне	43
“Всюду, куда не пойдёшь...”	43
“Я, беспомощный, жалкий...”	44
“Душа никогда не устанет...”	44
Фотографии на могилах	45
Старый альбом	46
Могилы отцов	47
На родине предков	47
Рассвет	48
Победители	48
“Не знаю...”	49
“Жизнь оползает медленно, как берег...”	49
На берегу	50
“Ночные сомнения...”	50
“Самые несчастные минуты детства...”	50
“Подрастает дочка...”	51
Из цикла “Стихи сыну”	51
Поломанная лошадка	52
“С первой своей минуты...”	52
“Падает снег в ноябрь...”	53
Пасха	53
“Природа ни к чему не обязывает...”	54
На смерть друга	54

Царь природы	55
Универсальное средство	55
“Вечер, такой огромный...”	55
“В минуты затишья...”	56
“Самоубийства...”	56
Часть III. ЭХО	57
Ночной аэропорт в Тюмени.	58
“Тебе хочется знать...”	59
“Брожу по церквям...”	59
“Озеро мечты заросло...”	60
“Ты окружён границами...”	60
Идиллический пейзаж	61
Об одном из тех, кто искренно верил... .	61
“Чего-чего...”	62
“На место молчанья...”	62
Мастерская	63
“Вся жизнь твоя — постройка храма...” .	63
Два мотива из Ивана Голля	64
<i>Август</i>	64
<i>Сеятели неба</i>	64
“За стихи платят мало...”	65
Зимой.	65
“О города...”	66
В Соликамске	66
Жаркое лето.	67
“Научиться летать...”	67
“Каждому ведомо...”	67
На Иссык-Куле	68
“После долгой...”	69
Утро	69
Лесной ручей	69
Бранденбургские ворота	70
В Тюрингии	72
Об одном поэте	72
“Дерево не погибло...”	73
“Осень с глазами-бессмертниками...” . .	73
“Тбилиси. Словно по капле...”	74

В таджикском ауле	74
Горный пейзаж	74
На Кавказе	75
“Мимо окна моего...”	75
Март	76
В осеннем лесу	76
Святая простота	76
Мороз в Батуми	77
“Из астры...”	77
На Иртыше	78
Утро в лесу	78
Торжок	78
Эстония	78
Летний вечер в лесу	79
Мама	79
“Детство...”	80
“Моего двухлетнего сына...”	80
Зимнее утро	81
“Однажды рассторгнуть договор с суетой...”	82
На древнеегипетский мотив	82
“Вновь дышит лето...”	83
Облачный день	83
Тебе, пожелавшей сравнения	84
“Я дам тебе сил...”	84
“Когда ты уезжаешь...”	85
“Весь июль я живу в ожидании...”	85
Первая любовь	86
Детское воспоминание	86
“Когда к поэту...”	87
В майском лесу	87
Стихи о мойке окон	88
Гитлер с эстетической точки зрения	89
На собрании	90
Корзинка для бумаг	90
На книжной ярмарке	91
“Переводчик...”	91
Розовые очки	92
Из Брехта	92

Часть IV	93
“Экзамены в музыкальной школе...”	94
“Дзинтари. Ещё сады...”	94
Московское метро	95
Памир	95
В пустыне	96
“Мыльные пузыри...”	96
Хлебная корочка	97
“Римский саркофаг...”	98
“Выскочить из горячей бани...”	98
“У моря на юге...”	98
“Вагон электрички...”	99
“Московский зоопарк...”	99
“Дегунино. Станция электрички...”	100
“Сижу у летнего окна...”	100
“Сломать, чтобы построить...”	101
“Своё пустословие...”	101
“Приезжаешь из долгой поездки...”	102
“В ЦДЛ за пьяным столом...”	102
Не случайно	103
Старые грузинки в приморском кафе	104
“Май 1989. Предгорья...”	105
“Никогда ещё гербы...”	105
“Туманы детства...”	106
“Жизнь — медлительный тихий осенний закат...”	106
“Всегда сторонился людей...”	107
“Тоска по родине...”	107
“Невозможность — часть реальности...”	108
“Волны и дюны...”	108
“Все, что происходит во сне...”	108
“Имея в виду...”	109
“Стремясь что-то успеть...”	109
“Когда слушаешь музыку...”	110
“О нет, далеко не все сети...”	110

Вальдемар Вебер

ЧЕРЕПКИ

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1. Усл. печ.
л. 8. Тираж 1000 экз. Заказ № 450.

Издательство Руслана Элинина
103827, Москва, Страстной бульвар, 6.
Чеховский культурно-просветительский центр.

Отпечатано в НИИ Геодезия.

Вальдемар Вебер многие годы занимался изданием и переводом классической и современной европейской поэзии, в основном с немецкого, В 1991-92 г.г. руководил семинаром художественного перевода в Литературном институте им. Горького. С 1992 по 2000 преподавал и участвовал в научных проектах в университетах Граца, Инсбрука, Вены, Маннхайма, Пассау. В 1996-1998 г.г. главный редактор "Немецкой-русской газеты" (Мюнхен). С 1994 года живет в Мюнхене, пишет стихи и прозу на русском и немецком. Печатался в немецко- и русскоязычной периодике в России, Австрии, Германии, Бельгии, Люксембурге, Румынии. Переводился на французский в издательстве "Les Amis du Roi des Aulnes" (Париж). Автор книг: "Слёзы линзы. Стихи и эссе" (на немецком языке), изд. Радуга, Москва, 1992; "Тени на обоях. Стихи и переводы с немецкого" изд. Весть-Вимо, Москва, 1995.

